

2. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1988.
3. Попов В.И. Современная дипломатия: теория и практика. Дипломатия – наука и искусство : курс лекций. 2-е изд., доп. М. : Междунар. отношения, 2003.
4. Сатоу Э. Руководство по дипломатической практике. М., 1961.
5. Камбон Ж. Дипломат. М., 1945.
6. Ковалев А.Н. Азбука дипломатии. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Междунар. отношения, 1988.
7. Никольсон Г. Дипломатия. М. : ОГИЗ, 1941.
8. Фишер Р., Юрии У. Путь к согласию, или Переговоры без поражения. М. : Наука, 1990.
9. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов : учеб. пособие. М. : Аспект Пресс, 1999.
10. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. С. 85. Т. 1.
11. История дипломатии. М., 1959. Т. 1.
12. Громыко А.А. Памятное. Кн. 1, 2. М., 1988.
13. Советская дипломатическая и консульская служба / под ред. И.Н. Земскова, Н.М. Пегова, В.И. Попова. М., 1979.
14. Hamilton K., Langhorne R. The Practice of Diplomacy. Its Evolution, Theory and Administration. London – N.Y., 1995. P. 181.
15. Grice H.P. Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 9: Pragmatics. N.Y., 1978. P. 113 – 127.
16. Leech G.N. Explorations in Semantics and Pragmatics. Amsterdam, 1980.
17. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London, 1983.
18. Lakoff R.T. Language and Woman's Place. N.Y., 1975.
19. Lakoff R.T. Talking Power: The Politics of Language. N.Y., 1990.
20. Гак В.Г. Языковые преобразования М. : Шк. «Языки русской культуры», 1995.
21. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М. : Шк. «Языки русской культуры», 1998.
22. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М. : Шк. «Языки русской культуры», 1997.

Peculiarity of diplomatic discourse as a form of communication

There are described the structural and communicative peculiarities of diplomatic discourse, revealed the likeness and differences of this type of discourse practice and scientific communication.

Key words: *diplomatic discourse, professional communication, structure.*

Е.В. МАЛЫШЕВА
(Тверь)

РЕГУЛЯТИВНЫЙ ХАРАКТЕР КИНЕСТЕТИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В ВЕРБАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ КОММУНИКАЦИИ

Представлена регулятивная характеристика кинестетических действий в процессе диалогического общения, которая и определяет содержание кинестетического общения, интенции и иллюкутивных возможностей партнеров при условии их включенности в вербальную систему коммуникации.

Ключевые слова: *коммуникация, кинестетические действия, кинестема, иллюкуция, интенциональность, регулятивность, прикосновение.*

Невербальные единицы общения (в частности, кинестетические действия, прикосновения, кинестемы) как самостоятельные компоненты невербальной системы коммуникации представляют собой такие единицы диалогического общения, которые способны отражать интерактивный невербальный характер коммуникации. При этом, взаимодействуя с речевыми практиками в процессе коммуникативного обмена и включаясь в контекст типового коммуникативного пространства диалогической интеракции, они способны не только отражать комплексный (знаковый – как языковой, так и неязыковой) характер данного процесса, но и взаимодействовать с иллюкутивным потенциалом конкретного речевого акта, в который вплетена та или иная кинестема. И если интенциональность как способность сознания быть «направленным» на какой-либо объект (Л. Витгенштейн, Б. Рассел, Дж. Серл и др.) уже заложена в коммуникативном пространстве речевого акта, а значит, соответственно, и в ее отдельных проявлениях (речевых действиях, жестах, проксемических явлениях, кинестетических действиях и др.), то их комплексная иллюкутивная направленность в интерактивном обмене раскрывается в том числе и в процессе реализации определенных «типов взаимодействия, построенных по фреймовому образцу» [1, с. 54].

Примечательно, что в этом случае прикосновения способны выступать в роли особых регулятивов, именуемых в работе как «кине-

стетические регулятивы» (о регулятивах см. [1; 2; 3]), которые сопровождают и маркируют определенное вербальное пространство речевых актов, направлены на успешность и согласованность координированной деятельности участников диалогического общения в контексте их общих действий. Потому логично предположить, что кинестетические действия также могут быть представлены в контекстах с различной иллюкутивно-интенциональной направленностью, например, в таких, как «приветствие», «прощание», «просьба», «согласие», «принуждение», «обращение» и др.

Опираясь на данное предположение, можно попытаться проанализировать «участие» кинестем в типовых речевых актах и построить их классификацию по аналогии с вербальными (речевыми) действиями в общем контексте иллюкутивных функций [1, с. 51 – 55], например, в речевых актах «утешения»:

– *Оленька (1). – Следователь присел перед нею на корточки и ласково **взял** ее мокрые от слез, крохотные **руки** (2). – Давай-ка подумаем – может, к вам кто-то вечером приходил? Пред тем, как мама ушла?(3). Оля сипло вздохнула и отрицательно помотала головой (3а)* [4, с. 376 – 377].

Следователь, выступающий в роли утешающего, стремится к достижению поставленной цели – успешно провести допрос по запланированному сценарию, успокоить потерпевшую, выступающую в роли утешаемой, и получить необходимые ответы на поставленные вопросы (3). Поэтому он использует любые авербальные средства для достижения нужных результатов. В конечном итоге утешающий своей последней репликой-вопросом (3) располагает утешаемую к дальнейшему разговору (3а), а также прибегает к кинестетическому действию (2).

Поведение утешающего, использующего кинестетические регулятивы, обусловлено, прежде всего, рядом причин, среди которых в большинстве случаев формирование доверия к намерениям партнера по коммуникации, отсутствие уверенности в вербальной системе взаимодействия. Данные причины предписывают вносить определенный личностный вклад в стратегическое развитие диалогического общения. Однако в представленном примере вербально-авербальное поведение утешающего продиктовано тактическими соображениями. Следователю вполне понятно эмоциональное состояние потерпевшей, и он, желая получить больше информации, успеш-

но выстраивает процесс диалогического общения.

Примечательно также, что использование кинестетических действий обусловлено прагматическими задачами интерактивного обмена, а значит, в различных языках их частотность неодинакова. Языковая манифестация процесса коммуникативного взаимодействия позволяет рассматривать и анализировать прикосновения с точки зрения включенности в речевой акт, а значит, согласно частотности глаголов, которые маркируют их в контексте того или иного вербального окружения.

Для обоснования выдвинутого предположения были рассмотрены и проанализированы речевые фрагменты произведений художественной литературы, собранные методом сплошной выборки (корпус примеров общим объемом 200 единиц, в том числе 117 – на русском языке и 83 – на английском), в которых в рамках одного речевого акта отмечено взаимодействие кинестем и маркеров иллюкутивных действий. Анализ проведенного исследования показывает следующее:

1) Частотность кинестетических действий различна в русском и английском языках. Представители русской и англо-американской лингвокультур используют широкий спектр прикосновений в процессе диалогического общения. Так, на 117 диалогических фрагментов из произведений русской художественной литературы приходится 173 кинестемы, а на 83 диалогических фрагмента из произведений англо-американской художественной литературы – 141 кинестема. Определив разницу между частотностью кинестем и диалогическими фрагментами произведений, приходим к выводу, что представители двух лингвокультур практически в равной степени прибегают к использованию кинестетических регулятивов в диалоге (56 – для русского языка и 58 – для английского, соответственно).

2) Чаще всего в процессе коммуникативного обмена представители русской лингвокультуры используют такие кинестемы (первые пять наиболее частотных), как *целовать* (40), *обнимать* (31), *хватать* (14), *брать (взять)* (13), *прижать* (9), *пожать (руку)* (7), а представители англо-американской лингвокультуры – *to put on* (19), *to kiss* (15), *to held to* (5), *to strike* (5), *to pat* (5), *to take* (5), *tostruggle* (3). Такое частичное совпадение позволяет предположить, что существует вероятность использования определенных прикосновений в типовых речевых актах представителей той или иной лингвокультуры.

3) Общая направленность кинестетических действий раскрывает самый разнообразный спектр прикосновений как в русском языке (*целовать, обнимать, хватать, брать (взять), прижать, пожать (руку)*), так и в английском (*put on, kiss, held, strike, pat, take, struggle*), а их использование варьируется степенью синонимичности. Особенно явно такая характеристика выражена у представителей англо-американской лингвокультуры (*to squeeze oneself up closer to one's side, to lay close, cling, be in one's arm; to clasp, to be shoulder to shoulder, to pass one's hand about, to be coming out of a big clinch, to held* и др.). Следовательно, использование кинестетических действий обусловлено динамикой интерактивного диалогического общения.

Полученные данные показывают, что, включаясь в контекст общих действий, в целом кинестетические регулятивы сопровождают отдельные речевые акты с различной иллокутивно-интенциональной направленностью. Отметим также, что отдельные группы кинестем изначально заложены в процессе общения не только как сопровождающие различные ситуации общения, но и как их маркеры.

Таким образом, обобщив сказанное выше, отметим, что регулятивный характер кинестетических действий раскрывается лишь при комплексном осмыслении процесса коммуникативного обмена, которое дает возможность выявить некоторые особенности взаимоотношений языка (как вербального компонента общения) и тактильного поведения (как невербального компонента общения) в рамках прагматического контекста диалогического общения. Язык и неязыковые (в частности, кинестетические) явления как средства общения выступают основой коммуникации во всех ее разнообразных проявлениях. В свою очередь, в регулятивной характеристике кинестем воплощается их функциональная специфика, которая и определяет содержание кинестетического общения, интенции и иллокутивных возможностей партнеров по диалогическому общению в системе вербальной коммуникации.

Литература

1. Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.

2. Романов А.А. Языковой портрет политика в суггестивной парадигме // *Ars Linguistica*. К 75-летию проф. И.П. Сусова. М. – Тверь: ИЯ РАН: ТвГУ, ТГСХА, 2002. С. 23 – 30.

3. Романов А.А. Регулятив как комплексная единица диалогического общения // *Лингвистическая мозаика*. Избранное / А.А. Романов. М.: ИЯ РАН, 2006. С. 188 – 192.

4. Малышева А.В. Зеркало смерти / А.В. Малышева. М.: Центрполиграф, 2003. 414 с.

Regulating character of kinaesthetic actions in the verbal communication system

There is given the regulating characteristic of kinaesthetic actions in the process of a dialogue that determines the content of kinaesthetic communication, intention and illocutionary partners' opportunities on conditions that they are included into the verbal system of communication.

Key words: *communication, kinaesthetic actions, kinaesthetic, illocution, intentionality, regularity, touch.*

Т.А. КУДИНОВА
(Ростов-на-Дону)

ОНТОЛОГИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАРГОНА

Представлена концепция игровой природы жаргона как основа бытия данного языкового явления; отмечается, что популярность использования жаргонизмов обеспечивается рядом социальных и языковых функций.

Ключевые слова: *жаргон, общий жаргон, языковая игра, криптолалия, субстандарт.*

Существенные изменения в общественной жизни на рубеже XX – XXI вв. значительно повлияли на современную речь. С одной стороны, словарный запас в связи с техническим прогрессом и научными открытиями пополнился английскими заимствованиями, с другой – активизировался жаргон, причём вопреки традиционным языковым и культурным нормам элементы криминальной субкультуры легализованы не только в разговорном литературном языке, но и в официальной письменной практике. Чтобы разобраться в происходящих языковых процессах (в данном случае –